18+

Александр Катков

Науки о психике и эпистемологический анализ

Александр Лазаревич Катков

Науки о психике и эпистемологический анализ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69710626
ISBN 9785006058446

Аннотация

В монографии описывается методология эпистемологического анализа, разработанная для исследований в секторе наук о психике. Обсуждаются результаты использования данного метода для решения сложных вопросов в рассматриваемой области знаний. Книга полезна для специалистов, проявляющих интерес к методологии научных исследований в области авангардных наук о психике.

Содержание

Введение 5
Раздел I. Метод эпистемологического анализа 9
Вводная информация 9
Определение и область функциональной активности метода 10
Специфика целеполагания в сфере наук о психике 13
История становления и развития метода эпистемологического анализа 14
Общая структура и алгоритм реализации 41
Выделяемые компоненты («встроенные» методы) эпистемологического анализа 44
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Науки о психике и эпистемологический анализ

Александр Лазаревич Катков

© Александр Лазаревич Катков, 2023
ISBN 978-5-0060-5844-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Необходимость разработки методологии эпистемологического анализа, позволяющего идентифицировать, уточнить и расширить ключевые характеристики предметной сферы наук о психике, не вызывает никаких сомнений. Как и то обстоятельство, что сам сектор наук о психике должен развиваться ускоренными темпами. В доступных источниках (например, У. Найсер, 1981; Т. С. Кун, 1998, 2014; Г. И. Рузавин,1999; С. А. Лебедев, 2006; В. М. Розин, 2005: Я. С Яскевич, 2007; В. А. Лекторский, 2009; А. С Новиков, 2009; Б. Г. Кузнецов, 2010; В. В. Ильин, 2011; В. А. Канке, 2013; А. А. Ивин, 2017) при всех несомненных достоинствах анализируемых текстов мы не обнаружили четкого описания метода эпистемологического анализа, включая детальное и аргументированное обоснование анализируемых информационных структур, этапности, алгоритма и выходных разрешающих характеристик данного метода.

Даже и в таких близких по тематике текстах, как превосходная монография Д. Н. Робинсона «Интеллектуальная история психологии» (2005), мы встречам лишь аргументацию тезисов о необходимости изучения систематизированных контуров и универсальной культуры знания о психологической дисциплине. А в замечательной статье с многообещающим названием «Эпистемологический анализ психоло-

гии как науки» (Ж. К. Загидуллин, 2012) в качестве основного инструмента такого анализа обосновывается идея использования программы «теоретического конструктора» выдающегося российского философа М. А. Розова, притом что такого рода «теоретический конструктор», по аргументированному мнению автора, следует позиционировать как перспективную, универсальную эпистемологическую единицу и одновременно программу исследования. Но и такая в целом аргументированная позиция, конечно, не является исчерпывающим описанием метода эпистемологического анализа.

Что же касается тематических текстов, анализирующих более или менее близкую проблематику научных исследований в поле наиболее исследованной психотехнологии Новейшего времени – психотерапии (например, R. Russee, D. Orlinsky,1996, А. Притц, Х. Тойфельхарт, 1999; В. Датлер, У. Фельт, 1999; М. Штайнлехер, 1999; Р. Гуттерер, 1999; Г. Шипек, 1999; Э. Вагнер, 1999; Л. Рейтер, Э. Штейнер, 1999; У. Бауманн, К. Рейнекерт-Хехт, 2012; В. В. Макаров, 2013; Е. А. Ромек, 1999; А. Я. Варга, 2013; Н. Ю. Хусаинова, 2013), то никаких намеков на описание даже и отдельных компонентов эпистемологического анализа мы здесь также не встречаем.

Дополнительные аргументы в пользу особой значимости метода эпистемологического анализа выводятся из концепта «информационной генетики» (А. Л. Катков, 2022), во-

круг которого выстраивается «фактура» данного метода. Согласно данному концепту, информационные единицы, или «гены», в соответствии с избираемыми вариантами логических построений образуют в итоге определенные смысловые структуры или модели. Такого рода модели, с одной стороны, формируют матрицу исследовательского процесса, но также – особенно в переживаемый нами период Четвертой техногенной революции – данные информационные структуры формируют стержневые характеристики реальности. Отсюда повышенное внимание к информационной генетике любых теоретических построений, что, собственно, и представляет предмет исследования методологии эпистемологического анализа.

В наук о психике такими исследуемыми информационными структурами являются, в том числе, и отслеживаемые в соответствующих научных дискурсах (понимаемые как общая смысловая модель – прообраз какого-либо явления или принципа, выделяющая его основные и наиболее существенные черты) и (более элементарная смысловая модель, выводимая на основании первичного абстрагирования существенных свойств, связей и отношений какого-либо предмета или явления). Такой прагматический отбор исследуемых смысловых структур, с одной стороны, обусловлен тем обстоятельством, что именно – с учетом данного им определения – представлены в большинстве доступных текстов, а значит, именно эти смысловые структуры можно сопостав-

лять и далее дополнять содержанием реконструктивных рабочих гипотез, на основании чего, собственно, и выстраивается модель объяснения феномена психического. И далее, основываясь на содержании описываемых в анализируемых текстах понятиях и идеях, можно продвигаться по «восходящему» аналитическому направлению (т. е. в сторону дальнейшей агрегации обозначенных смысловых структур в концепты, концепции, теории и выводимые отсюда дисциплинарные доктрины). Именно таким образом и складывается адекватное понимание логики построения базисных и прикладных аспектов наук о психике. *идеи понятия идеи и понятия*

С учетом всего сказанного нами была разработана полномасштабная версия эпистемологического анализа, в полной мере учитывающая специфику наук о психике. Настоящая версия, как и прецеденты успешного использования эпистемологического анализа для решения сложных методологических вопросов в рассматриваемой научной сфере, представлена в нижеследующих разделах монографии.

Раздел I. Метод эпистемологического анализа

Вводная информация

В настоящем разделе рассматривается область применения, функциональное целеполагание, общая структура и содержание основных компонентов метода эпистемологического анализа. Обосновывается особая роль данного «большего» метода в развитии сектора наук о психике и выведении данного сектора в ареал авангардной науки. Подчеркивается значимость эпистемологических «находок» и закономерностей для корпуса науки в целом.

Конкретные примеры использования метода эпистемологического анализа для решения сложных методологических вопросов в сфере наук о психике приведены в следующих разделах монографии.

Определение и область функциональной активности метода

Согласнообобщенным данным, представленным в Энциклопедии эпистемологии и философии науки (2009), метод эпистемологического анализапредставляет собой способ критического пересмотра определённой области знаний. Эпистемологический анализ позволяет: идентифицировать глубинный культурно-исторический и собственно эпистемологический контекст, из которого выводится исследуемая форма знаний; отделять иллюзии, химеры, беспочвенные верования, «идеологию» от подлинно научных, концептуальных основ знания; отделять поверхностную интерпретацию контекста развития рассматриваемой области знания от глубинной; осуществлять в результате всего вышесказанного адекватное выведение реальных и обоснованных универсалий в исследуемой сфере, а также путей и методов их получения. Эпистемологический анализ наиболее востребован в кризисные периоды развития определенной сферы научного знания.

Эпистемологический анализ – это еще и наиболее эффективный способ осмысления нелинейной, скачкообразной периодизации становления и развития научного знания, а также адекватная методологическая основа преодоления кризисных периодов в развитии определенных научных на-

правлений или корпуса науки в целом (А. Ф. Зотов, 2009).

Разработанная нами версия метода эпистемологического анализа содержит специальный алгоритм использования серии исследовательских методов – значимых компонентов эпистемологического анализа, – каждый из которых дает ценную информацию и может использоваться самостоятельно: с использованием которого разрабатываются пакеты рабочих гипотез; метод, позволяющий получить научно обоснованные аргументы в пользу разработанных рабочих гипотез; процесса становления предметной сферы исследуемых научных и научно-практических направлений, расширить представления о предметной сфере психического; метод позволяющий осмыслять идеи и понятия, имеющие непосредственное или опосредованное отношения к предметной сфере наук о психике;позволяющий оценить вектор функциональной активности, полезность и эффективность описанных в литературных источниках (вариант С) и используемых (варианты А и В) психотехнологий;позволяющий свести весьма произвольную «информационную генетику» множества множества наук о психике в единую информационную систему; позволяющего – с позиции имеющихся приоритетных тенденций – оценить наиболее перспективные варианты развития отдельных научных направлений и сектора наук о психике в целом. Описание данных компонентов приводится в нижеследующих подразделах. *генетически-конструктивный метод, гипотетико-дедуктив-*

ный метод культурно-исторической реконструкции семиотико-герменевтического анализа, метод психотехнического и комплексного анализа, метод трехмерной организации «больших данных» в секторе наук о психике, метод форсайтного исследования,

Специфика целеполагания в сфере наук о психике

Применительно к сектору наук о психике, эпистемологический анализ позволяет: идентифицировать основополагающий концептуальный дефицит и слабость методологического оформления исследований, проводимых в данной сфере; выявлять наиболее адекватные способы преодоления несостоятельности эпистемологического и собственно теоретического базиса наук о психике, в частности, за счет применения обоснованной – с точки зрения обновленных эпистемологических подходов – методологии построения профильной исследовательской деятельности.

Так, например, в отношении таких научных направлений как «психотехнологии», в частности «психотерапия» – с учетом особой сложности и неоднозначности принципов формирования предметной сферы данных научно-практических направлений – углубленный эпистемологический анализ, по-видимому, является единственным способом сущностного решения возникающих здесь собственно эпистемологических, идентификационных, методологических, а вслед за этим и организационно-технологических проблем (А. Л. Катков, 2016).

История становления и развития метода эпистемологического анализа

Актуальность настоящего фрагмента в детальном описании метода эпистемологического анализа обусловлена необходимостью разработки более четких представлений о функциональной направленности, структуре, разрешающей способности и роли данного метода в сущностном понимании предметной сферы психотерапии. Такие абсолютно необходимые в нашем случае представления формируются с учетом изучения истории становления метода эпистемологического анализа.

Первенство в постановке и более или менее отчетливом позиционировании задач собственно эпистемологического плана, по-видимому, принадлежит Аристотелю, создавшему корпус трудов (14 книг) с описанием так называемой первичной философии. В последующем эти труды Аристотеля получили общее название «метафизика», т. е. в буквальном значении «после физики», что, заметим, идет вразрез с важным в данном случае определением «первичная», ибо сам Аристотель считал, что «Наиболее совершенная наука – это наука о максимально познаваемом предмете. Обладают же такой познаваемостью первые элементы и причины, с помощью которых и на их основе познается все остальное, а не они через то, что лежит под ними» (Аристотель, цит.

по изд. 2006). Таким образом, первичная философия в интерпретации Аристотеля – это и есть философия науки с абсолютно явным эпистемологическим содержанием и обоснованием метода логических рассуждений как основного инструмента эпистемологического анализа.

На современном этапе развития философии науки начало полноценного осмысления и оформления метода эпистемологического анализа следует отнести к моменту публикации докторской диссертации Карла Мангейма «Структурный анализ эпистемологии» (1922 г.), в которой были приведены и обоснованы следующие основополагающие позиции данного метода:

– ни один феномен не содержит в себе достаточных оснований для раскрытия собственного значения и, следовательно, поддается объяснению главным образом, поскольку оказывается возможным выявить его место в «структуре»;

– под этим углом зрения, эпистемология (гносеология) образует таковую структуру для онтологического, психологического и логического способов познания;

– под структурным анализом какой бы то ни было теоретической дисциплины, таким образом, понимается прежде всего ее систематизация и попытка истолковать, исходя из этой систематизации, все ее компонентыругими словами, отдельные логические сущности не должны вырываться из органической целостности, каковую представляет собой общая структура, и не должны быть изучаемы изолирован-

но друг от друга: своим значением они обязаны контексту вездесущей систематизации, в связи с которым их и следует понимать); (д

– если мы желаем понять причины единообразия систематизация эпистемологии и априорные основания различий между эпистемологическими системами, нам необходимо выявить логическую структуру эпистемологического мышления;

– структурный анализ в конечном счете должен быть направлен на выявление общих оснований всех теорий познания, которые состоят в том, что они переводят вопрос о природе познания в плоскость выявлениялогических предпосылок познания;

– поиск основных предпосылок знания полагается на основе свойства разума, которое можно назвать способностью «выбора эталона»;

– структурный анализс тем, чтобы стать успешным – должен достигать стадии, на которой стоящая перед ним проблема исследования основныхпредпосылок познаниясочетается с необходимостью действовать всецело вне этих предпосылок; –

– таким образом, эпистемология занята поиском всех основных предпосылок, благодаря которым возможно знание как таковое, и, кроме того, определением значения этих предпосылок;

– отсюда следует, что эпистемология имеет две формаль-

но различные цели:

1) установить и 2) оценить ; *основные предпосылки всякого возможного знания достижение знания как такового на основе оценки его предпосылок*

– такая задача структурного анализа эпистемологии является выполнимой, поскольку существуютпредпосылки и систематизации, которые с определенной точки зрения могут быть описаны как универсальные: логический, психологические и онтологические.

Как понятно из всего сказанного, предмет структурного анализа эпистемологии (или эпистемологического анализа) по К. Мангейму представлен: системой знаний, в которой приоритетное значение имеют: 1) структурные характеристики исследуемой системы знаний с возможностью определения топологии каждого значимого компонента в данной структуре и выведения в данной связи его сущностных функций; 2) базисные предпосылки, используемые «эталоны» логических построений, на основании которых была выведена исследуемая система знаний; 3) достижения, которые оказались возможными в результате использования соответствующих базисных предпосылок в генерации исследуемой системы знаний. И далее за счет возможности соотнесения используемых базисных предпосылок, логических «эталонов» (или когнитивных моделей) с теоретическими и практическими достижениями, имеющими место в сфере функциональной активности исследуемой системы знаний, мож-

но сделать выводы об эвристическом потенциале и разрешающей способности используемых когнитивных подходов.

Характерно, что уже на данном начальном этапе становления метода Карл Мангейм указывал на необходимость использования таких способов проведения эпистемологического анализа, которые позволили бы дистанцироваться от тех самых базисных предпосылок или логических схем, которые, собственно, и являются предметом данного анализа. В этом последнем тезисе усматривается намек, во-первых, на необходимость поиска достойных альтернатив исследуемым когнитивным подходам, а во-вторых – на необходимость адекватного моделирования и сравнения полученных таким образом альтернативных моделей исследуемой системой знаний с фактологической моделью, Что, собственно, и является неким прообразом «информационной генетики» – базисного концепта современной методологии эпистемологического анализа.

Следующим этапом становления метода эпистемологического анализа можно считать появление – начиная с 30-х годов прошлого столетия – публикаций известного французского эпистемолога и историка науки Гастона Башляра (1972, 2000), в которых он, во-первых, вводит понятие рекурсивной истории науки как обязательного атрибута эпистемологического анализа, а во-вторых – уточняет объект и предмет такой рекурсивной реконструкции научного знания в виде отдельных исторических эпох развития научной

мысли с таким характеристиками, как «особые типы рациональности» или «эпистемологические профили». Последние, по мысли Башляра, представляют собой системы взаимосвязанных базовых понятий, стандартных способов исследования и коррелированных с ними предметных областей научного знания.

В этих своих трудах Г. Башляр уделял первостепенное внимание вопросу создания адекватных «археологических» принципов конструирования предметности идентифицируемых таким образом эпох развития научной мысли. Он утверждал, что системы знаний, представленные определенными эпистемологическими профилями, не выводимы одна из другой по принципу преемственности, и предлагал фокусировать внимание на эпистемологических разрывах – т. е. глубоких системных противоречиях, прослеживающихся между сменяющими друг друга эпистемологическими профилями, которые, собственно, и обеспечивают возможность появления качественно нового знания. И далее в продолжение развития концепта эпистемологического разрыва Башляр предлагал исследовать феномен эпистемологических препятствий – т. е. отживших стереотипов уходящего эпистемологического профиля – с тем, чтобы понимать, каким именно наилучшим образом эти препятствия могут быть преодолены. Рекурсивная история науки, по Башляру, способствует расчистке «завалов» на пути развития подлинного научного знания и многое проясняет в отношении сущ-

ностного генеза науки.

Таким образом, Гастоном Башляром были сделаны более чем существенные дополнения к общей методологии эпистемологического анализа, разработанной К. Мангеймом, которые, в частности, выражались: 1) в признании необходимости введения в «ткань» эпистемологического анализа метода исследования рекурсивной истории науки, либо определенной области научных знаний; 2) в признании необходимости углубленного исследования таких содержательных аспектов предметной сферы научных знаний, как эпистемологические профили, разрывы и препятствия, идентифицируемые в русле проводимого рекурсивного исторического анализа; 3) выведении главных характеристик центрального понятия рекурсивного исторического анализа – эпистемологического профиля – в виде используемых в анализируемой научной сфере базовых понятий, стандартных и соответствующих этим понятиям методов исследования, и выводимой отсюда предметной сферы исследуемого сектора или направления науки.

Здесь же стоит отметить, что предлагаемые Г. Башляром исследования исторического аспекта становления и развития предметной сферы ареалов, направлений или же корпуса науки в целом, явилось действенным импульсом к формированию концепции «информационной генетики», вокруг которого выстраивается разработанная нами методология эпистемологического анализа.

Далее необходимо остановиться еще на трех категориях описания и структурирования предметного поля данного метода, представленного в работах Мишеля Фуко, Томаса Куна и Имре Лакатоса – известных ученых, философов и методологов науки, опубликовавших свои главные труды в период 60-70-х годов прошлого столетия.

Так, Мишель Фуко, выдающийся французский философ и историк, в своих главных трудах «Слова и вещи» (1977), «Археология знания» (2012) обосновывает понятие , которое трактуется им как совокупность определенных – в соответствии с актуальными культурно-историческими доминантами – априорий, или общих идеоматических контекстов, в русле которых выстраиваются возможные мнения, теории, науки в различные исторические периоды. Таким образом, эпистема – это масштабная объективная категория, которая лежит существенно глубже уровня кодифицированного знания и которая проясняет условия возникновения не только концептуальных оснований науки, но и таких «зыбких», по выражению Фуко, образований, которые могут оказаться химерами, «идеологиями», верованиями и любыми другими информационными конгломератами, претендующими на статус истины и присутствующих в актуальном идеоматическом поле конкретной исторической эпохи. *«эпистема»*

Методология изучения , обозначаемая М. Фуко как «археология знания», имеет много общего с рекурсивным исто-

рическим анализом Г. Башляра и сводится к дискурс-анализу доступных источников исследуемого исторического периода. С использованием данного подхода М. Фуко были идентифицированы и обоснованы два крупных эпистемологических разрыва, которые пролегают между тремя «археологическими» образованиями, или эпистемами. Последние обозначаются М. Фуко как ренессансная, классическая и современная. При этом основные различия между дифференцируемыми таким образом эпистемологическими образованиями устанавливались им в основном на основании анализа соотношения «слов» и «вещей» или, по выражению апологетов современной когнитивной науки, на выявления сущностных различий в использовании «ментального лексикона» смысловых и вербальных репрезентаций, т. е. без учета всех других возможных каналов объект-субъектного информационного взаимодействия. Такой явно лингвистический уклон в эпистемологических построениях М. Фуко, отмечаемый его критиками, по-видимому, и послужил причиной того, что предлагаемые им конструкции в большей степени имеют хождение в сфере гуманитарного знания и в существенно меньшей степени – в области естественно научных подходов. Однако сама по себе попытка «привязывания» эпистемологического анализа к определенной репрезентативной системе, имеющей отношение к первичной генерации и особенностям оформления информации, и в связи с этим конкретизация методологии проведения такого

анализа – факт весьма примечательный. И наряду с важными уточнениями характеристик предметного поля эпистемологического анализа данный факт, вне всякого сомнения, может быть поставлен в заслугу Мишелю Фуко. *эпистемы*

Однако центральной фигурой рассматриваемого периода становления эпистемологического анализа, вне всякого сомнения, является Томас Сэмуэль Кун – американский философ и историк науки, основной труд которого «Структура научных революций» (1998), впервые опубликованный в начале 60-х годов прошлого века, и по настоящее время является абсолютным лидером по цитированию в сфере эпистемологии и истории науки. Томас Кун известен как автор фундаментальной теории научных революций, центрального концепта данной теории – парадигмы, а также понятия «дисциплинарная матрица», уточняющего содержательные характеристики категории «парадигма». Поскольку все эти концепты и инструменты до настоящего времени остаются наиболее востребованными в научном сообществе, рассмотрим их содержательные характеристики более подробно.

Итак, парадигма, с точки зрения Т. Куна, – это совокупность фундаментальных научных установок, представления и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов. Главная функция этой несущей конструкции, по мысли Куна, – обеспечивать преемственность развития науки и научного творчества, притом что наука, согласно его основной теории, раз-

вивается отнюдь не линейно, но за счет качественных прорывов, т.е. привносимых сущностных изменений в структуру и содержание актуальной (приоритетной) парадигмы или радикальной смены приоритетных парадигм в связи с получением неопровержимых доказательств более высокой разрешающей и эвристической способности новых научных подходов. Таким образом, история развития науки, по Томасу Куну, может быть представлена и отслежена как история становления конкурирующих парадигм и сопоставления результирующих характеристик того или иного способа производства научных знаний.

Структурные и содержательные характеристики термина «парадигма» уточняются за счет введенного Куном понятия дисциплинарной матрицы. Данное понятие учитывает, во-первых, принадлежность ученых к определенной дисциплине и, во-вторых, систему правил исследовательской деятельности в определенном секторе науки, которые состоят из символических обобщений (законов и определений основных понятий теории); метафизических положений, задающих способ видения универсума и его онтологию; ценностных установок, влияющих на выбор направлений исследования; «общепринятых образцов» – схем решения конкретных задач, дающих ученым методику разрешения проблем в их исследовательской практике.

Современное понимание термина «парадигма», выстраиваемое в духе синергетического внедисциплинарного подхо-

да, позволяет, кроме того, соотнести данное понятие с несущими параметрами порядка в такой нестабильной и быстро развивающейся сфере, как производство научных знаний. Причем такие значимые для цивилизационного развития фундаментальные параметры порядка, позволяющие уберечь как научное, так и мировое сообщество от непредсказуемого хаоса, должны содержать как стабилизирующие, так и собственно развивающие элементы (в частности, возможности для открытого сопоставления различных подходов в сфере производства актуальных знаний и постоянной дискуссии), что в конечном итоге и обеспечивает устойчивое поступательное развитие науки и общества в целом.

Популярность и «живучесть» понятия парадигмы, по всей видимости, связана со степенью функциональной проработанности и приемлемости данного концепта в секторе науки, но также и с возможностью его использования практически во всех более или менее структурированных сферах актуального человеческого опыта.

И далее мы рассмотрим третью основополагающую конструкцию современной эпистемологии, и, соответственно, эпистемологического анализа – концепт Научно-исследовательской программы (НИП) – центрального понятия в философско-методологических разработках Имре Лакатоса (2003), английского философа и эпистемолога венгерского происхождения.

Научно-исследовательская программа, по Лакатосу, опре-

деляется как «последовательность научных теорий, которая выстраивается как развитие некой исходной (как правило, фундаментальной) теории, основные идеи, методы и предложения которой выдвигаются интеллектуальными лидерами науки и усваиваются научными сообществами догматически».

Фундаментальная теория, обладающая мощным эвристическим потенциалом, составляет «жёсткое ядро» НИП, вокруг которого её приверженцы выстраивают «защитный пояс» вспомогательных гипотез, защищающих «ядро» от столкновения с фактами наблюдения, не согласующимися с логическими следствиями из этой теории или от противоречий с другими хорошо известными фактами, теориями. Такая стратегия положительной и отрицательной эвристики подчеркивает преимущество НИП перед её конкурентами, в частности, перед похожими эпистемологическими конструкциями, которые таким «защитными механизмами» не обладают.

И, кроме того, в случае НИП, как понятно из определения данного концепта, речь идет, как правило, о кластере научных направлений, а не только о каком- либо одном из них. Так, например, сам И. Лакатос считал, что наука как таковая может рассматриваться в качестве гигантской исследовательской программы, чего не скажешь о сходных эпистемологических конструкциях.

Однако вот это последнее обстоятельство, с нашей точ-

ки зрения, как раз и является причиной пока еще не очень высокой востребованности эпистемологических построений Имре Лакатоса – для этого нужны масштабные и глубокие эпистемологические исследования с задачей проведения сущностной ревизии крупных кластеров и ареалов научных направлений либо всего корпуса науки. Между тем в связи с абсолютно неизбежным процессом формирования и, соответственно, форматирования массива так называемых больших данных, в которых результаты научных исследований, скорее всего, будут иметь приоритетное значение – время главного эпистемологического концепта Лакатоса если не наступило, то уже на подходе.

Особенно интересным в свете всего сказанного представляется анализ положительной и отрицательной эвристики наук о психике, а после этого и корпуса науки в целом, который пока что никто и никогда не проводил.

Актуальные аспекты эпистемологических новаций самых последних десятилетий, имеющие значение в построении методологии эпистемологического анализа, представлены в первую очередь идеей эпистемологических поворотов – обновляемых идеоматических контекстов, в русле которых производится и осмысляется научная информация. Такого рода подвижная «когнитивная оптика», с одной стороны, позволяет выстраивать многополярную систему оценки научных знаний, информации или любого другого структурированного опыта, с другой стороны – периодически обнов-

ляемые идеоматические контексты выполняют важнейшую функцию опорной системы координат, вне которой само существование эпистемологии как метафилософии науки вызывает обоснованные сомнения. Кроме того, именно за счет реализованной возможности таких «поворотов», или появления обновляемых и дополняющих друг друга идеоматических контекстов – и осуществляется формирование наших представлений о совокупности научных знаний как о структурированной, открытой и развивающейся информационной системе.

Между тем представители некоторых крайних эпистемологических течений новой волны пропагандируют необходимость решительного отказа от каких бы то ни было ориентиров или контекстов в построении информационного базиса науки и любого другого структурированного опыта, в чем, собственно, и заключается главная идея последнего по времени эпистемологического поворота (В. И. Кураев, 2009; С. В. Никоненко, 2009)

В частности, здесь постулируется необходимость отказа от фундаментализма, понимаемого как принятие концепта лишь относительной ценности и значимости любых норм, с позиции которых проводится критический анализ каких-либо теоретических построений в науке и философии (данная позиция часто обозначается и как посткритицизм).

Раздаются призывы к пересмотру и отказу от, казалось бы, незыблемых позиций субъектоцентризма, ставящего в гла-

ву угла неоспоримый тот факт, что источником, так же как и конечным адресантом любого акта познания, является субъект. Аргументы для такого «отказа» усматриваются в таком же неоспоримом факте необходимости взаимодействия субъекта с объектами и явлениями реальности, другими субъектами и общества в целом, с тем чтобы такой субъект состоялся как познающая единица. Таким образом, по мысли авторов данного критического тезиса, первичным основанием в генезе научного знания является все же субъект-объектное и социальное взаимодействие, а не «вспышка сознания» субъекта.

И далее представители вот этой новой эпистемологической волны призывают отказаться и от наукоцентризма, аргументируя необходимость такой акции тем, что наука, конечно, не единственная система производства значимой, адаптивной информации – существуют, например, еще и целые пласты укорененных в сознании людей идиом – носителей здравого смысла и непосредственного опыта, и с этим необходимо считаться. И не только в смысле некой «уступки» вот этой будто бы изжившей себя системы координат современного человека, но именно в тех случаях, когда осуществляется неадекватный перенос и грубое игнорирование контекстов, в которых только и возможно использование научного знания для формирования научной картины мира.

Обоснованные таким образом аргументы отказа от наукоцентризма были исчерпывающе сформулированы Марти-

ном Хайдеггером в его известном произведении «Что зовется мышлением?». В частности – в знаменитом пассаже «о цветущем дереве», в котором Хайдеггер предъявил претензии к таким наукам, как физика, физиология и психология с научной философией, которые «со всей их оснащённостью примерами и доказательностью объясняют, что мы, собственно, не видим дерева, а в действительности воспринимаем некую пустоту, в которой определённым образом рассеяны электрические заряды, мчащиеся с великой скоростью туда и сюда» (цит. по изд. 2007). Хайдеггер решительно возражал против иррациональной склонности радикального крыла научного сообщества, ориентированного исключительно на так называемый естественно-научный полюс общего корпуса науки, «скорее повалить цветущее дерево, чем отказаться от наших якобы более ценных физических и физиологических знаний».

Критиками идеи наукоцентризма используется, конечно, не только тезис о несводимости различного опыта получения знания, но также и несопоставимости разных систем анализа такого опыта (психологической, онтологической и логической), и далее – собственно ареалов и областей научного знания (естественно-научного и гуманитарного, физики и биологии, и пр.), что дает повод для утверждений в том духе, что наука и эпистемология, как метафилософия науки, так же как и все другие сферы структурированного гуманитарного опыта, переживают период глубинного кризиса, обозначае-

мого как эпоха постмодернизма. По мысли главных идеологов постмодерна Жиля Делеза и Жака Бодрийяра, этот современный период еще можно обозначить как эпоха тотальной деконструкции, хаоса и конца эпистемологии.

Между тем, что касается собственно эпистемологии и методологии эпистемологического анализа, – никакой особой новизны в этих апокалиптических констатациях не прослеживается. Во всем этом видится лишь предельно заостренная и приправленная социальным пафосом форма изложения известного тезиса Карла Мангейма, еще около ста лет назад говорившего о необходимости отказа от использования «монументальных» ориентиров, важности осмысленного отхода от любых мыслительных стереотипов в процессе исследования предпосылок научного мышления. В частности, Мангейм совершенно определенно заявлял о том, что: «В ходе своего внутреннего развития эпистемологическое мышление небезуспешно достигает стадии, на которой стоящая перед ним проблема исследования основных предпосылок сочетается с необходимостью действовать всецело вне этих предпосылок. … Это своеобразное положение отличает эпистемологию от всех прочих областей мысли; задача, которую она ставит перед собой – поиск основных предпосылок – по-видимому, находится в разладе с обычным процессом обыденного или научного мышления» (К. Мангейм, 1922). Вопрос, следовательно, состоит в том – и это было совершенно ясно еще в самом начале становления эпистемоло-

гии как метафилософии науки, – какие стили мышления или более сложные эпистемологические построения и конструкции могут эффективно использоваться в процессе эпистемологического анализа тех самых предпосылок научного мышления. Однако, как понятно из всего сказанного, сущностного ответа на этот важнейший вопрос апологетами постмодерна найдено так и не было.

Тем не менее, нельзя пройти и мимо вклада эпохи постмодерна в общую методологию эпистемологического анализа, основные позиции которого видятся в следующем:

– ситуация, при которой наблюдается почти полное упразднение объективизма, легализация множественных миров субъективного, в том числе научного опыта (т.е. процесс «децентрации» мировоззрения современного человека), способствует в итоге тому, что любое научное направление и наука в целом понимается как набор актуальных гипотез, в большей или меньшей степени аргументированных с помощью наиболее адекватной исследовательской методологии, но не претендующих на статус истины в конечной инстанции;

– таким образом решается, наконец, извечная дилемма науки, вынужденной раз за разом отказываться от своих же собственных «незыблемых» установлений;

– но, кроме того, здесь обращается внимание и на тот факт, что специфика и сила аргументов в пользу той или иной интерпретации исследуемых характеристик реально-

сти тесно увязывается с общей адекватностью избираемого варианта «когнитивной оптики» и разрешающей способностью соответствующей исследовательской методологии (от использования которых, разумеется, никто и не собирался, и не собирается отказываться);

– постмодерн, следовательно, лишь «узаконил» в построении методологии научных исследований и интерпретации получаемых соответствующим образом результатов. Что, вне всякого сомнения, послужило импульсом к освобождению общего поля науки от излишней догматической приверженности, привлекло внимание к самому процессу генерации нового знания и способствовало принятию процесса творчества в качестве основополагающей ценности; *принцип относительности*

– соответственно, эпистемология эпохи постмодерна отнюдь не «растворилась» и не лишилась своей предметности – всесторонне оцениваемых вариантов когнитивной оптики, но лишь избавилась от навязываемых приоритетов и укрепилась в своей метапозиции по отношению к любой логике выстраивания исследовательского процесса. Кроме того, предметная сфера эпистемологии эпохи постмодерна стала охватывать еще и весь процесс генерации научного знания, с акцентами на взаимозависимость идентифицируемых сущностных компонентов этого процесса с характеристиками промежуточных и итоговых результатов.

И далее нам необходимо рассмотреть вопрос, каким об-

разом последние достижения когнитивной науки – весьма взыскательной к понятию информации, особенностям выведения и репрезентации всех сущностных аспектов этого, чрезвычайно емкого феномена – могут и должны учитываться в методологии построения современной версии эпистемологического анализа.

Так, в качестве наиболее очевидного приоритета в когнитивной науке позиционируется проблема репрезентации знания, в частности – задача выявления сущностных закономерностей формирования так называемых ментальных репрезентаций (С. Э. Поляков, 2011). С одной стороны, такого рода ментальные репрезентации относятся к процессу представления реальности в психическом мире людей, включая процессы осмысления актуальных планов реальности (Э. Е. Бехтель, А. Э. Бехтель, 2005). А с другой стороны – к выведению единицы или адекватного символа такого представления. Последний аспект, с точки зрения современных исследователей, представляется особенно важным, поскольку имеет непосредственное отношение к задачам компьютерного (цифрового) моделирования актуальных аспектов реальности и продвижения в сфере разработки искусственного интеллекта.

Первичное распределение ментальных репрезентаций реальности на два больших класса так или иначе присутствует практически во всех разработанных и используемых в настоящее время систематиках и классификациях. Напри-

мер, в так называемой интегральной классификации речь идет об аналоговых репрезентациях, посредством которых происходит наглядное изображение фрагментов реальности, и символических репрезентациях, представляющих собой когнитивные модели некоторых, дифференцируемых фрагментов – объектов, явлений, процессов – реальности. Последние воспроизводят лишь часть информации о реальности и могут быть сведены до конвенциального минимума, что, собственно, и происходит при формировании так называемой физической картины мира, выстроенной по «лекалам» естественно-научного полюса кодифицированной системы научных знаний. При этом когнитивная наука не выдвигает каких-либо надуманных аргументов в отношении абсолютного приоритета того или иного способа репрезентации реальности или актуальных аспектов. И в этой позиции присутствует намек на возможность неконфликтного решения уже процитированного нами знаменитого пассажа Мартина Хайдеггера о «цветущем дереве».

В итоге, по-видимому, следует согласиться с тем, что всем предшествующим эпистемологическим концептам вот этой информационно-репрезентационной конкретики в процессах поиска и построения адекватных предпосылок научного знания как раз и не хватало. Что, конечно, не является сколько-нибудь серьезным поводом для очередной «отмены» эпистемологии или даже вообще философии (а такие призывы в связи с успехами когнитивных наук и их претен-

зиями на статус метанауки периодически раздаются). Ведь никто не собирается отменять когнитивные науки на основании только того, что исследованные и систематизированные ими способы репрезентации реальности в итоге так и не решили проблему глубинного кризиса науки. Следовательно, и в этих предлагаемых способах, проясняющих процессы генерации и организации феномена информации, не достает неких существенных компонентов – предпосылок научного знания, которые и должны выявляться в ходе использования современной и обогащенной за счет достижений когнитивной науки методологии эпистемологического анализа.

Какими же, исходя из всего сказанного, видятся итоги развития методологии эпистемологического анализа в обозреваемый, практически столетний исторический период. С нашей точки зрения, это весьма впечатляющая динамика и свидетельства интенсивного развития исследовательской мысли от в целом неопределенных представлений о неких универсальных «предпосылках» научного мышления, которые должны укладываться и пониматься через их «систематизации» к аргументированным концептам эпистемы (М. Фуко, 1977), эпистемологической системы, эпистемологического профиля (Г. Башляр, 1972); с такими дифференцированными конструкциями и компонентами этих концептов, как базисная научно-техническая программа (И. Лакатос, 2003), научная парадигма и дисциплинарная матрица (Т. С. Кун, 1998).

Существует понимание в том отношении, каким образом формируются все эти элементы предметного поля эпистемологического анализа в онтологическом и историческом плане (концепты эпистемологических порогов, «археологических» эпох и разрывов М. Фуко и Г. Башляра). Сложились внятные представления о том, в какую итоговую системную последовательность эти элементы укладываются: (отдельные эпистемологические структуры, компоненты и стили научного мышления); (дисциплинарная матрица, научная парадигма, базисная научно-исследовательская программа); (эпистемологический профиль, эпистемологическая система, эпистема). Формируется призванная выявить подлинные обстоятельства кризисного состояния определенного сектора или сферы науки как таковой. Складывается пониманиеопределяющей роли эпистемологической структуры современной науки в важнейшем , в которой, собственно, и осуществляет свой жизненный путь современный человек. Понятен и базисный алгоритм формирования такой технологической (в нашем случае психотехнологической) реальности: обновленная эпистемологическая конструкция фундаментальных допущений – адекватная концептуализация предметной сферы – проработанная теоретизация накопленного массива эмпирических знаний – выводимая отсюда эвристическая технологизация рассматриваемой сферы организованной деятельности – соответствующим образом проработанная инструментализация основных направлений такой

деятельности (в нашем случае научной, образовательной, практической, организационной, нормотворческой, экспертной психотерапевтической деятельности). *первичные элементы промежуточные структурные компоненты эпистемологическая система методология полномасштабной эпистемологической реконструкции отдельных научных направлений и корпуса науки в целом, процессе генерации технологической реальности*

Классические методы, представляющие «ткань» эпистемологического анализа (рекурсивная история или метод культурно-исторической реконструкции предметного поля эпистемологии; дискурс-анализ основных тематических источников с идентификацией используемых стилей научного мышления), на сегодняшний день дополняются сложными комплексными методами, исследующими особенности репрезентации реальности человеком. И конечно, главное достижение самых последних лет – это включение в систему эпистемологического анализа усовершенствованных генетико-конструктивных и гипотетико-дедуктивных методов, которые позволяют осуществлять не только мысленное или ментальное моделирование каких-либо изменений в системе научных представлений о мире в результате использования тех или иных эпистемологических конструктов, но и получать, и сравнивать полноценные компьютерные модели вариантов реальности, генерируемые с использованием этих конструктов.

Таким образом, метод эпистемологического анализа развивается не только интенсивно, но и экстенсивно, с одной стороны стимулируя появление отдельных научных направлений, исследующих процессы репрезентации реальности и собственно познавательной деятельности человека, а с другой – ассимилируя конструктивные достижения этих научных направлений, не утрачивая при этом своей собственной философской идентичности.

Особо важным в этой динамике представляется изменение традиционного рекурсивного аналитического вектора, в целом присущего философии, на перспективный вектор, характеризующий современный этап развития методологии эпистемологического анализа. Последнее обстоятельство подчеркивает беспрецедентную роль эпистемологического анализа в формировании моделей будущего.

Констатация такого положения дел уже не столько ставит вопросы, сколько настоятельно диктует необходимость углубленной проработки концепта информационной генетики – главной несущей конструкции эпистемологического анализа, – предполагающего адекватное перспективное моделирование актуальных аспектов реальности на основе уже имеющихся и разрабатываемых эпистемологических конструкций. Нет никаких сомнений в том, что такое многовекторное моделирование реальности, проводимое с использованием идентифицируемых эпистемологических альтернатив, во-первых, и будет предоставлять собой исчер-

пывающую методологию оценки исследуемых вариантов построения «генетического ядра» научной информации, а во-вторых – позволит, наконец, адекватно учитывать и управлять рисками взрывного технологического развития на пороге Пятой промышленной революции, связанной с ответственным цивилизационным выбором вариантов реальности, а значит и вариантов будущего.

Общая структура и алгоритм реализации

Как уже было отмечено, эпистемологический анализ, помимо прочего, является матрицей для встраиваемых сюда методов исследования следующего порядка. Отсюда выводится значимость определения собственно структурных компонентов такой методологической «решетки» с уточнением их функциональной специфики, характера их взаимосвязи и взаимодействия в общем формате эпистемологического анализа.

В нашем случае в качестве таких структурных компонентов, имеющих существенное значение в методологии эпистемологического анализа, выступают, во-первых, все учитываемые в исследовании эпистемологические структуры: (идеи, понятия); (дисциплинарная матрица, базисная научно-исследовательская программа); (дифференцируемые эпистемологические платформы, общая теория как несущая эпистемологическая конструкция анализируемого научно-практического направления в общем секторе наук о психике), притом что поименованные промежуточные и итоговые эпистемологические структуры должны быть идентифицированы на предварительных этапах исследования и далее выступали в качестве основных рабочих гипотез. *первичные промежуточные итоговые*

В общей методологии эпистемологического анализа важнейшее значение имеет и определенная последовательность использования встроенных методов, обеспечивающая общий синергетический эффект и высокую разрешающую способность данной матричной структуры. Так, на предварительных этапах реализации Базисной НИП с задачами в сфере разработки «пакета» конструктивных, собственно эпистемологических и прикладных гипотез используется в наибольшей степени отвечающий данной исследовательской задаче. Далее используется метод, позволяющий получить научно обоснованные аргументы в пользу разработанных рабочих гипотез. Соответственно, данный метод является одним из основных в общей структуре эпистемологического анализа, а также в разработанной нами версии Последняя методология, помимо всего прочего, предусматривает использование по схеме, предложенной В. Г. Кузнецовым (1991), что, собственно, и позволяет осмысливать идентифицированные в ходе соответствующего исторического поиска идеи и понятия, имеющие непосредственное или опосредованное отношение к предметной сфере психического с позиции авангардной науки. Далее в отношении исследования наиболее направлений, моделей и методов психотехнологического спектра – в первую очередь применительно к психотерапии, консультированию и тренинговым технологиям – используется . Что в свою очередь позволяет проработать конструктивную модель развития соответству-

ющей психотехнической теории и практики на краткосрочную и среднесрочную историческую перспективу. При этом целесообразно использование модифицированного метода так называемого позволяющего идентифицировать и адекватно оценить имеющиеся варианты развития изучаемого научно-практического направления. *генетически-конструктивный метод, гипотетико-дедуктивный культурно-исторической реконструкции процесса становления предметной сферы исследуемого научного направления. семиотико-герменевтического анализа метод психотехнического и комплексного анализа форсайтного исследования,*

Уточнение структурных компонентов, а также полного алгоритма реализации методологии эпистемологического анализа открывают возможность трехмерной . В этой объемной информационной структуре в традиционном двухмерном или «плоскостном», или даже в трехмерном «объемном» измерении тематическая информация распределяется по дифференцируемым уровням дисциплинарной матрицы и соответствующим модулям Базисной научно-исследовательской в секторе наук о психике. *организации больших данных в секторе наук о психике*

Выделяемые компоненты («встроенные» методы) эпистемологического анализа

Как понятно из всего сказанного, специальная методология эпистемологического анализа (ЭА) представлена определенным набором весьма специфических методов и технологий изучения эпистемологических оснований и предметной сферы наук о психике.

Генетически-конструктивный метод

Данный компонент-метод в общей структуре эпистемологического анализа понимается как способ построения и развертывания теории, основанной на конструировании идеальных теоретических объектов и мысленных экспериментов с ними (В. С. Степин, 2009). Важной особенностью данного метода является то, что в данном случае предполагается оперирование непосредственно с идеальными (абстрактными) объектами, к которым, собственно, и следует отнести исследуемые эпистемологические конструкции, представляющие «информационную генетику» психотерапии. Другим важным уточнением и, можно сказать, спецификой генетически-конструктивного метода является тезис о том, что такого рода объекты невозможно непосредственно наблюдать ни при каких условиях, но в то же время именно это об-

стоятельство и позволяет весьма успешно использовать такое познавательное средство, как мысленный эксперимент, и, чуть забегая вперед, – продолжение мысленного эксперимента в виде математического (компьютерного) моделирования определенных аспектов активности сферы психического. Разумеется, такое инструментальное продолжение и развитие гипотетико-конструктивного метода имеет смысл лишь при условии разработки соответствующих компьютерных программ с возможностью генерации получаемых здесь сверхсложных компьютерных моделей.

При таком постулируемом в рамках данного метода максимальном уровне свободы, необходимом именно на первых этапах научного творчества, здесь все же присутствуют и некоторые неявные ограничения. Суть этих сугубо рекомендательных ограничений обычно сводятся к следующему: генерируемые идеальные конструкции в общем и целом должны учитывать разработанные к этому времени научные модели исследуемых аспектов реальности; множественные идеальные конструкции (объекты) должны соотноситься друг с другом на основе понятных логических принципов; идеальные объекты и концепции в той или иной степени должны соотноситься с эмпирическими данными об исследуемых аспектах реальности, но также и объяснять саму возможность получения такого рода эмпирических «фактов» с позиции получаемых здесь новых содержательных интерпретаций. Смысл этих рекомендаций абсолютно ясен:

именно таким образом сохраняется преемственность научного знания (научные достижения предшествующего этапа не «отменяются» при каждом следующем шаге научного творчества); подтверждается приоритет объясняющей функции науки, так же как и возможности верификации научного знания; закладывается необходимая интеллектуальная база для следующего этапа научного творчества, предусматривающего использование гипотетико-дедуктивного метода

Вместе с тем главным компонентом генетически-конструктивного метода, безусловно, является его креативное ядро, обеспечивающее возможность получения новых интеллектуальных моделей исследуемых аспектов реальности и обновленных интерпретаций установленных эмпирических фактов. И здесь же – а это крайне важно именно для сферы психотерапии – может быть обоснована необходимость расширения и углубления научного горизонта тематических исследований, и, соответственно, возможность получения новой совокупности исследуемых фактов. Такие факты могут быть получены в том числе и в условиях контролируемого научного эксперимента., а их адекватная интерпретация, собственно, и обеспечивает полноценную реализацию следующего важнейшего шага научного творчества – гипотетико-дедуктивного метода в полном объеме.

Что же касается оценки информационного потенциала генетически-конструктивного метода в сфере изучения эпистемологических основ и предметной сферы психотерапев-

тической науки и практики, и в частности рекурсивной истории психотерапии, то здесь уместны самые превосходные эпитеты. Ибо сама эта исследуемая сфера по большей части как раз и «расположена» именно в том полюсе реальности, который в полной мере соответствует заявляемому идентификационному признаку: генерируемые здесь идеальные объекты «невозможно непосредственно наблюдать ни при каких условиях», притом что существующие концепты и схемы интерпретации имеющихся в распоряжении научного сообщества эмпирических фактов – и это обстоятельство касается, конечно, не только психотерапии, но и сектора наук о психике в целом – не могут быть признанными хоть сколько-нибудь адекватными для сложнейшей сферы психического и особого коммуникативного процесса, разворачивающегося в данной сфере. С другой стороны, именно эти генерируемые «продукты» генетически-конструктивного метода – первичные, промежуточные, а также интегральные эпистемологические структуры общей теории психотерапии – как раз и обосновывают крайне важную возможность пусть и опосредованного, но в определенном смысле никак не менее «реального» наблюдения процесса развертывания интересующих нас функциональных аспектов коммуникативной активности психического. В этих же построениях обосновывается и внятная перспектива непосредственного отслеживания, и дифференцированной оценки динамики всей совокупности факторов, отражающих «ядерную» специфику

прикладного психотехнического процесса.

И далее надо понимать, что такого рода осмысленный старт процесса первичной концептуализации эпистемологических основ и предметной сферы наук о психике, проводимой с учетом всех рекомендуемых здесь правил, есть обязательное условие подлинно научной интерпретации накопленного массива тематических сведений и фактов. И что еще более важно – условие адекватной исторической реконструкции процесса становления исследуемых научно-практических направлений.

Таким образом, полноценное использование всего спектра возможностей генетически-конструктивного метода представляется если не определяющим, то одним из самых главных факторов, обеспечивающих успешную реализацию общей методологии эпистемологического анализа. Сущностное, креативное ядро исследовательского проекта закладывается именно здесь – на этапе генерации первичной информационной генетики исследуемого научного сектора, и этим все сказано. Полноценное описание генерируемых за счет использования генетико-конструктивного метода эпистемологических структур дается в соответствующих теоретических разделах и подразделах конкретного научного направления.

Гипотетико-дедуктивный метод

Настоящий метод является важнейшим структурным компонентом эпистемологического анализа, в ходе реализа-

ции которого окончательно формируется и обосновывается кластер основополагающих рабочих гипотез в секторе наук о психике. Последние в свою очередь представляют эпистемологический каркас и предметную сферу конкретной науки и практики. Соответственно, присутствующая здесь степень методологической проработанности, научной обоснованности гипотетического кластера несущих дисциплинарных конструкций определяет «дееспособность» исследуемого научно-практического направления. Здесь же следует подчеркнуть беспрецедентную роль гипотетико-дедуктивного метода в обосновании статуса сектора наук о психике как наиболее перспективного направления развития авангардной науки в целом.

В общем алгоритме эпистемологического анализа этап реализации гипотетико-дедуктивного метода следует сразу за этапом формирования первичной «информационной генетики» психотерапии. Можно сказать, что эти два этапа – генетически-конструктивный и гипотетико-дедуктивный – отчетливо разделяются по времени лишь в теории. На практике мы чаще имеем дело с пересечением и флюктуацией данных этапов при сохранении их методологической специфики, что, по всей видимости, только лишь повышает качество прохождения рассматриваемых фрагментов эпистемологического анализа.

Содержательная специфика гипотетико-дедуктивного метода заключается, по определению, в следующем: это ме-

тод получения нового знания, метод развертывания теории, сущность которого заключается в создании дедуктивно связанных между собой гипотез, из которых выводятся в конечном итоге утверждения об эмпирических фактах (И. П. Меркулов, 2009). То есть полная конструкция теоретического знания в данном случае выстраивается по направлению «сверху – вниз», в отличие, например, от индуктивного способа построения таких теоретических конструкций, когда приоритетным является противоположный логический вектор «снизу – вверх». И здесь же следует вполне определенно заявить, что только лишь использование дедуктивного вектора на первых этапах построения научного знания позволяет избежать ловушки «тоннельного видения», в которой до самого последнего времени пребывал сектор наук о психике.

Исключительно важной в данном случае является и констатация того обстоятельства, что последовательная реализация генетически-конструктивного и гипотетико-дедуктивного этапов эпистемологического анализа открывает возможность, во-первых, существенного расширения совокупности фактов, имеющих непосредственное отношение к психотехнологическому процессу (например, процессу психотерапевтического, консультативного взаимодействия и проч.), а во-вторых – полноценной реализации семиотико-герменевтического метода, использование которого, собственно, и позволяет адекватно интерпретировать, а также реинтер-

претировать ключевую феноменологию процесса психотехнического взаимодействия.

Последовательность реализации собственно гипотетико-дедуктивного метода традиционно предусматривает три этапа: построения связной, целостной, дедуктивно-соподчиненной системы гипотез; процедуры верификации или фальсификации этой системы; уточнения или конкретизации исходной конструкции. Однако именно в случае сектора наук о психике такого рода последовательность нуждается в дополнительных комментариях, важных уточнениях и необходимой детализации, без чего процесс выстраивания добротного гипотетического каркаса исследуемых наук, тем более с отчетливой перспективой экспотенциального развития их предметной сферы – вряд ли возможен.

Исходя из сказанного, классическая модель реализации рассматриваемого метода в нашем случае дополняется и уточняется следующим образом. Вводится включающий: 1) полноценную реализацию генетически-конструктивного метода с выведением первичной «информационной генетики» конкретного научного направления; 2) формирование общего исследовательского контекста, на базе которого реализуется гипотетико-дедуктивный метод (структурный контекст Базисной НИП; общий методологический контекст эпистемологического анализа; специальный методологический контекст культурно-исторической реконструкции эпистемологического каркаса и предметного поля исследу-

емой науки); 3) разработка адекватного исследовательского инструментария, необходимого для реализации важнейшего этапа верификации (фальсификации) формируемого кластера рабочих гипотез исследуемого научно-практического направления. В этом случае у нас, во-первых, действительно появляется «пригодный» инновационный материал, для адекватного осмысления которого, собственно, и предназначен гипотетико-дедуктивный метод, а во-вторых – появляются возможности научно обоснованной, альтернативной по отношению к традиционно используемой интерпретации феноменологического поля сектора наук о психике, без чего смысл проведения второго классического этапа гипотетико-дедуктивного метода утрачивается, а вероятность возврата к устоявшимся непродуктивным эпистемологическим стереотипам на третьем этапе, соответственно, возрастает. И здесь надо понимать, что в отличие от сектора дисциплин естественно-научного полюса, для сектора наук о психике такого рода преамбула абсолютно необходима. *предварительный этап,*

Далее следует иметь в виду, что построения связной системы дедуктивно-соподчиненных рабочих гипотез с перспективой трансформации в общую теорию психотерапии с такими обязательными свойствами данной теории, как «основополагающая» и «всеобъемлющая» – подразумевает предварительную генерацию концепта дисциплинарной матрицы научной дисциплины. Такого рода необходимость

как правило продиктована методологическим дефицитом, вследствие которого предметная сфера наук о психике представляет собой достаточно «рыхлое», разрозненное информационное поле. В этом обширном пространстве произвольных, фрагментарных и «разнокалиберных» концептов устанавливать наличие каких-либо дедуктивно-соподчиненых связей между таким фрагментами в отсутствие адекватного методологического инструментария крайне затруднительно. В то же время разработка адекватного, системообразующего каркаса дисциплинарной матрицы конкретного научного направления существенно облегчает выполнение этой главной задачи первого классического этапа реализации гипотетико-дедуктивного метода. Более того, основное требование, которое так же обязательно к выполнению на данном важнейшем этапе – выделение функциональных ярусов рабочих гипотез (в классике – верхнего и нижнего яруса, где гипотезы нижнего яруса являются следствием гипотез верхнего яруса), – имеет шансы на адекватную реализацию лишь при наличии такого проработанного эпистемологического каркаса. И, собственно, из этого же системно организованного каркаса выводится, во-первых, сама возможность построения связной, дедуктивно-соподчиненной системы гипотез с их обоснованным распределением по всем нижеследующим уровням дисциплинарной матрицы. А во-вторых – беспрецедентная эвристика общей теории конкретного научного направления и всех ее дифферен-

цируемых компонентов при соблюдении основополагающего дедуктивного принципа в отношении необходимости соответствия научного содержание гипотез нижеследующего иерархического уровня ключевым утверждениям и позициям «вышестоящих» гипотез. Что и является главным критерием дееспособности разработанной теории. *первый классический этап*

Так, например, выведенная на верхнем дисциплинарном уровне-ярусе фундаментальных допущений формула гипотетического концепта «объемной» реальности, (данный концепт, как мы полагаем, является универсальным для сектора наук о психике): – задает весьма широкий ассортимент понятий, которые следует рассматривать, интерпретировать и реинтерпретировать на следующих матричных уровнях – исследуемых научных дисциплин, теорий и концепций. То есть именно на тех уровнях, на которых и формируется инновационный эпистемологический базис конкретных научно-практических направлений. В общий перечень исследуемых здесь понятий входят и такие емкие философские понятия-концепты, как: реальность, дифференцируемые статусы реальности, информация (первичная, вторичная), информационная генетика, время, бытие, небытие, ничто, герменевтика, анимизм, витализм, панпсихизм, феномен психопластичности (фундаментальный аспект). Здесь же рассматривается и класс понятий, имеющих непосредственное отношение к пониманию феномена психического, напри-

мер: психическое целое, дух, душа, психика, бессознательное, сознание, память, личность, феномен психопластичности. И кроме того – анализируется понятие-концепт эпистемологического дефицита, применительно к таким сферам, как: метафизика, философия, сектор наук о психике, корпус науки в целом и авангардный ареал науки в частности. И это еще далеко не полный перечень исследуемых в ходе проведения эпистемологического анализа понятий. С другой стороны, именно такая дедуктивно-обусловленная реконструкция концептов второго матричного уровня и позволяет установить суть имеющегося здесь эпистемологического дефицита. *генеративная активность психического фиксируемый импульс активности сознания (ФИАС) – феномен субъективного времени – первичная информация – память – личность – актуальные планы «объективной» и «субъективной» реальности (вторичная информация) – модификация ФИАС – генерируемые атрибуты «объемной» реальности –*

реализации гипотетико-дедуктивного метода, предусматривает проведение процедуры верификации (фальсификации) кластера рабочих гипотез и, следовательно, выстраивание теории конкретного научного напраления как квинтэссенции разработанных инновационных гипотетических концептов и концепций. При этом предполагается, что такого рода методология или уже разработана, либо она является отдельным компонентом анализируемых теоретических построений, которые, собственно, и нуждаются в дополнитель-

ной научной аргументации (верификации). Таким образом, реализация рассматриваемого классического этапа гипотетико-дедуктивного метода сопряжена с наибольшими сложностями, без решения которых мы в итоге получаем лишь очередную «порцию» непроверенных гипотез, чего всеми силами следует избегать. *Второй классический этап*

реализации гипотетико-дедуктивного метода предусматривает уточнение и конкретизацию – с учетом результатов, полученных в ходе выполнения предшествующего этапа – исходной теоретической конструкции. И здесь абсолютно понятно, что сама по себе возможность реализации данного этапа как правило связана с решением сложных методологических проблем предшествующих этапов гипотетико-дедуктивного метода. То есть для начала такая исходная и, безусловно, инновационная теоретическая конструкция должна быть разработана и верифицирована. Однако адекватное выполнение комплекса этих сложных задач возможно только лишь при наличии еще одного важнейшего и досконально проработанного на предварительных этапах эпистемологического конструкта – Базисной научно-исследовательской программы, выполняемой по профилю разрабатываемой научной дициплины. *Третий классический этап*

В качестве иллюстрации особой значимости обозначенных здесь условий успешного выполнения рассматриваемого третьего классического этапа гипотетико-дедуктивного метода позволим себе следующее утверждение. На основании

результатов проведенного нами эпистемологического исследования, можно с уверенностью говорить о том, что обстоятельства перманентного кризиса в сфере наук о психике в существенной степени и были обусловлены отсутствием в теоретических построениях этих наук необходимых эпистемологических конструктов. Причем ситуация такого базисного методологического дефицита прослеживается здесь в продолжении достаточно длительного исторического периода.

Так, например, проявления системного кризиса психологической науки, исчерпывающе описанные Уильямом Джеймсом еще в средине XIX столетия, оставались практически неизменными в последующий за этим более чем полуторавековой период (Л. С. Выготский, 1982; А. В. Юревич, 1999, 2001, 2005, 2006; В. А. Мазилов, 2006; А. Н. Ждан, 2006; В. А. Кольцова, 2007).

И далее надо понимать, что этап уточнения и конкретизации исходной теоретической конструкции (первичной «информационной генетики») исследуемого научно-практического направления – это не ограниченный по времени акт, а перманентный процесс, который никогда не заканчивается. Адекватное и результативное – в собственно научном и прагматическом смысле – управление данным процессом возможно только за счет умной и последовательной реализации Базисной НТП, выполняющей функцию системообразующего эпистемологического стержня самодостаточной в этом случае психотерапевтической науки.

Наконец, необходимость введения еще одного реализации гипотетико-дедуктивного метода, связана с особой важностью темы адекватного прогнозирования вариантов развития наук о писхике в ближайшем и отдаленном будущем. Речь, следовательно, идет о выведении – за счет использования модифицированной версии форсайтного исследования – именно такого вероятностного прогноза, в котором будут учтены ключевые факторы, оказывающие существенное влияние на развитие конкретных научных направлений, а также обозначены и вполне реальные перспективы управления этими факторами. *завершающего этапа*

В строгом методологическом смысле можно считать, что вот этот завершающий этап реализации гипотетико-дедуктивного метода есть в то же время и начало нового цикла использования данного метода, на котором, конечно, оправдано и генетически-конструктивное моделирование вариантов развития исследуемых научных направлений. Соответственно, обозначенная последовательность действий в полной мере согласуется с несущим концептом эпистемологического анализа – «информационной генетики».

Метод культурно-исторической реконструкции

Задача разработки модифицированной версии методакультурно-исторической реконструкции эпистемологических оснований и предметной сферы наук о психике была решена в ходе разработки Общей теории психотерапии (А. Л. Каков, 2022). Адекватное решение данной методоло-

гической задачи обеспечивает возможность достижения основных целей эпистемологического анализа. Отсюда внимание, которое уделяется описанию данного метода, в частности: содержанию и специфике наиболее существенных компонентов данного метода; аргументации разрешающей способности метода по отношению к целям и задачам исследования; наиболее существенным отличиям разработанной версии от традиционных подходов культурно-исторической реконструкции предметной сферы наук о психике. Именно в таком порядке мы и будем рассматривать модифицированную версию культурно-исторической реконструкции процесса становления профильных научно-практических дисциплин.

вопросов, имеющих прямое или даже косвенное отношение к науке, ее отдельным направлениям и дисциплинам, стала понятной еще со времен Аристотеля, взявшего за правило анализировать в том числе историю становления любой исследуемой им проблемы. Это, по мнению самого Аристотеля, а также многих современных методологов науки (например, К. Поппера с его идеями эволюционной эпистемологии) дает возможность проведения критического анализа совокупности исследуемых концептов, корректно аргументировать собственные гипотезы, а также очищать общее поле науки за счет процесса элиминации несостоятельных гипотез. Вместе с тем культурно-историческая реконструкция предметной сферы определенных научных направ-

лений – это, конечно, не только и не столько «естественный» отбор дееспособного гипотетического кластера, сколько интенсивный процесс развития эпистемологической структуры и несущих теоретических конструкций этих направлений (М. А. Кукарцева, 2009; Л. А. Маркова, 2009; Ю. С. Воронков, А. Н. Медведь, Ж. В. Уманская, 2016; В. М. Розин, 2018). *Актуальность исторического аспекта*

Что же касается , то она обусловлена: 1) необходимостью уточнения статуса некоторых научных направлений (например, психотерапии, психологического консультирования, или же такого научного направления как «психотехнологии»). Т. е. в первую очередь следует получить исчерпывающий ответ на вопрос, с чем, собственно, мы имеем дело – ремеслом, искусством, наукой, либо иной сферой адаптивного гуманитарного опыта; 2) и если окажется, что с наукой, то необходимо определить, какие стадии становления рационально-понятийной формации познания (В. М. Найдыш, 2012) уже пройдены, на каком фиксируемом этапе данной формации исследуемое направление как становящаяся наука располагается в настоящее время, и какой именно эпистемологический дефицит препятствует переходу на следующую стадию формирования научной дисциплины; 3) далее с учетом позиции, полученной по предшествующему пункту, должна быть проведена необходимая эпистемологическая достройка теоретического каркаса исследуемой дисциплины (для чего привлекается материал рабочих гипо-

тез, обоснованных на предварительных этапах реализации Базисной НИП, и методология семиотико-герменевтического анализа); 4) с тем, чтобы уже применительно к обновленным гипотетическим концептам можно было использовать весь арсенал эпистемологического анализа, в частности и такие критерии дееспособности инновационных теоретических построений, как соответствие принципам научного знания, преемственность, наличие адекватного исторического объяснения (интерпретации) и др.; 5) то есть говорить о появлении обновленного эпистемологического каркаса и обоснованном уточнении и расширении предметной сферы научной дисциплины можно лишь после выведения достаточно емкой в фактологическом и продуманной в методологическом смысле исторической реконструкции процесса становления рассматриваемого научного направления.

значимости культурно-исторической реконструкции процесса становления наук о психике

И далее следует иметь виду определяющее значение перспективного – т. е. обращенного в будущее – вектора метода культурно-исторической реконструкции для разработки наиболее адекватного и востребованного на современном этапе цивилизационного развития сценария продвижения становящейся науки к статусу состоятельной науки. В частности, необходимо анонсировать существенный вклад данного метода в процесс формировании больших данных по профилю сектора наук о психике и, возможно, корпуса

науки в целом. Без чего аргументация статуса становящегося научного направления как состоятельной науки крайне затруднительна.

В свете сказанного, – это не только способ адекватного и абсолютно необходимого воспроизведения наиболее существенных аспектов процесса становления исследуемого научного направления, но, безусловно, метод интенсивного развития специальных знаний в секторе наук о психике в целом. *метод культурно-исторической реконструкции*

В отношениисследующей позициииздесь с самого начала необходимо обозначить такую особенность, как общий , в рамках которого реализуется рассматриваемый метод. Данный важнейший контекст определяет максимально возможную глубину и масштабы научного горизонта метода культурно-исторической реконструкции, что в конечном итоге способствует устранению эпистемологического дефицита, присущего наукам о психике. Это же обстоятельство диктует необходимость предъявления самых высоких требований к общей структуре обсуждаемого метода, качеству используемых здесь инструментов (встроенных методов) и их разрешающей способности. *– компонентов метода культурно-исторической реконструкции и их содержанию и специфике – контекст эпистемологического анализа*

Далее необходимо остановиться на специфик использованной в нашем исследовании версии культурно-исторической реконструкции. Необходимость специального фило-

софского обоснования в нашем случае связана с повышенным вниманием к вопросам преодоления эпистемологических (методологических) сложностей, само изобилие и очевидно «неподъемный» характер которых стали неким вполне узнаваемым «ликом» становящегося сектора наук о психике. *е философского обоснования*

Как уже было сказано ранее, в разработанном нами варианте метода культурно-исторической реконструкции, подкрепленном потенциалом «большего» метода эпистемологического анализа, мы продвигаемся существенно дальше соответствующих эпистемологических построений Г. Башляра и М. Фуко, и не ограничиваемся только лишь дискурсивным анализом исторических архивов и установлением взаимозависимости информации второго порядка (т. е. субъективной информации в нашей систематике) и предметных характеристик так называемой объектной реальности. Мы показываем сущностную взаимозависимость информации первого порядка от параметров фиксируемого импульса сознания-времени (то, что окончательно развенчивает миф о какой-либо «объективной» реальности и «объективном» времени), и далее – сущностные характеристики взаимодействия основополагающих статусов «объемной» реальности, аргументирующие возможность управления феноменом сознания-времени. Такого рода концептуальные построения постулируются нами как наиболее перспективный и наименее «освоенный» научным истеблишментом потенциал сектора наук о психи-

ке и авангардной науки в целом.

Что же касается интереснейшего – во всех отношениях – процесса взаимодействия информации первого и второго порядка (т. е. полюсов «объективной» и «субъективной» информации), то мы показываем возможность непротиворечивого и неконфликтного, а наоборот, максимально креативного со-существования и со-развития этих полюсов в общем поле ассоциированной эпистемологической платформы. Такая проработанная эпистемологическая альтернатива, на наш взгляд, не отменяет, а только лишь подчеркивает значимость эпистемологических новаций выдающихся французских философов Гастона Башляра и Мишеля Фуко.

Полагаем, что проиллюстрированная возможность развития потенциала обсуждаемых философских построений Башляра и Фуко в предлагаемой нами версии метода культурно-исторической реконструкции в существенной мере способствует аргументированному пересмотру последнего по времени эпистемологического поворота с его главным тезисом отказа от наукоцентризма. Для становящегося на «свой собственный пьедестал» сектора наук о психике данное обстоятельство является критически важным, поскольку основной довод в пользу такого постмодернисткого поворота – признание факта о том, что наука не является единственной системой производства и постижения значимой адаптивной информации – может быть истолковано и в том духе, что множество психотехнологий как раз и пред-

ставляют собой идеальный образец упомянутого «ненаучного» способа генерации адаптивной информации. С укоренением вот этого упрощенного и в чем-то даже привлекательного эпистемологического ракурса процесс какого-либо продвижения некоторых дисциплин (например, психотерапии) к признаваемому статусу самостоятельного и состоятельного научно-практического направления окажется крайне затруднительным.

Вместе с тем глубокая проработка , обоснованная реконструкция – с этих новых эпистемологических позиций – ключевого в данном случае концепта герменевтики как раз и предполагает аргументированный «возврат» альтернативных способов получения информации в поле авангардной науки – например, такого крайне важного способа получения и усвоения информации, как , с преимущественным использованием которого в продолжении тысячелетий развивалась первородная психотехническая традиция. *концепции ассоциированной эпистемологической платформы «гнозис»*

Следующим разработанной нами версии метода культурно-исторической реконструкции , решаемых за счет использования данного метода. Важно отметить, что полноценная идентификация и достижение выводимых здесь специфических целей, а также решение соответствующих функциональных задач . То есть метода культурно-исторической реконструкции является надежная идентификация эпистемологических основ, сущностных характеристик предметной

сферы рассматриваемого научного направления, осуществляемая в исторической ретроспективе и перспективе с использованием инструментов (методов) эпистемологического анализа. В данном определении с одной стороны подчеркивается важность общего контекста эпистемологического анализа, а с другой стороны – абсолютная ценность метода культурно-исторической реконструкции, с использованием которого только и возможно появление предметной реальности научной дисциплины с выведением адекватной для этой реальности ретроспективы и перспективы. *специфическим компонентом является раздел целеполагания и выведения соответствующих функциональных задач возможно только лишь в условиях проработанного и в существенной своей части реализованного эпистемологического анализа специфической целью*

Что же касается выводимой отсюда решаемых за счет использования методакультурно-исторической реконструкции, то все это определяется спецификой и доступной историографией исследуемого научного направления. Поэтому есть смысл представлять данные задачи на примере конкретной научно-практической дисциплины. В нашем случае, углубленный эпистемологический анализ и, соответственно, методология культурно-исторической реконструкции проводились в отношении психотерапевтической науки. Поэтому в качестве примера мы используем направление научной психотерапии, в отношении которого решались следующие

функциональные задачи. *специфики, номинации и последовательности функциональных задач,*

Проработка актуального культурно-исторического контекста – собственно культурного, философского, научного, – имеющего отношение к формированию эпистемологического каркаса и предметной сферы психотерапии в различные исторические эпохи;

Реконструктивная фактологическая иллюстрация эпистемологических эпох и разрывов между этими эпохами, оказавших наиболее существенное влияние на представления о механизмах достижения основных психотерапевтических эффектов. При этом понятно, что адекватное решение этих важнейших задач предполагает активное использование практически всего арсенала методологии эпистемологического анализа.

Определение основных ареалов функциональной активности и социальной миссии психотерапии в различные исторические эпохи.

Здесь стоит отметить, что несмотря на стандартный и присутствующий практически во всех более или менее глубоких исторических дискурсах рефрен в отношении того, что психотерапия изначально была представлена в магических и религиозных практиках, а затем – в медицинской и психологической сферах, дело обстоит не так просто. Во-первых, магическая и религиозная психотерапия со временем никуда не исчезли и по уровню востребованности населе-

нием в эпоху Новейшего времени эти будто бы «архаические» практики лидируют с большим отрывом. Внятный ответ на вопрос о причинах такого «удивительного» распределения предпочтений населения до настоящего времени не получен, как, собственно, не получен и адекватный «рецепт» выведения широкого фронта социальной психотерапии – в соответствии с запросом населения, – в общем формате которого все эти «большие» ареалы психотерапии могли бы конструктивно сотрудничать. И, безусловно, в рамках решения обозначенной задачи такие ответы должны быть получены.

Три следующие типичные задачи были сформулированы следующим образом.

Обоснование исторической идентичности психотерапевтической традиции, науки и практики, отграничение от «материнских» дисциплин, претендующих на роль интеллектуального донорства по отношению к психотерапии.

Идентификация эпистемологических стереотипов, препятствующих развитию самостоятельного научно-практического направления «психотерапия», а также форсированному развитию сектора наук о психике; построение и исследование вероятных моделей развития профессиональной психотерапии в ближайшей и отдаленной исторической перспективе.

Последние задачи существенно более «нагружены» в эпистемологическом смысле и развернуты в перспективный

вектор развития психотерапевтической науки и практики. Однако нет никаких сомнений в том, что адекватное решение этих последних задач возможно только лишь с использованием разработанной методологии культурно-исторической реконструкции процесса становления психотерапии.

В целом же, если говорить о стержневой специфике рассматриваемого компонента целей и задач, то следует подчеркнуть направленность данного компонента на глубокую проработку важнейшей характеристики «историзма» эпистемологического анализа наук о психике и соответствующую системную организацию исследовательского процесса.

Далее необходимо хотя бы кратко остановиться на , привлекаемых для достижения целей и выполнения задач метода культурно-исторической реконструкции (более подробно содержательная специфика данных методов раскрывается в других специальных подразделах). Речь здесь идет об уже знакомом нам гипотетико-дедуктивном методе, а также методах семиотико-герменевтического анализа, психотехнического и комплексного анализа (вариант С), модифицированного форсайтного исследования. *специфике «встроенных» методов исследования второго порядка*

Данные методы, как понятно из всего вышесказанного, представляют собой разработанный методологический инструментарий эпистемологического анализа, что, собственно, и является наглядной иллюстрацией системной организации исследовательского процесса, проводимого с исполь-

зованием рассматриваемого «большого» метода эпистемологического анализа. И надо понимать, что гипотетико-дедуктивный метод здесь используется в смысле своего «основного продукта» – проработанного кластера рабочих гипотез или важнейшей интеллектуальной базы, необходимой для обеспечения соответствующего горизонта исследования. В частности, наличие такого проработанного кластера рабочих гипотез в нашем случае абсолютно необходимо для полноценной реализации семиотико-герменевтического, а затем и психотехнического, и комплексного анализа имеющегося в нашем распоряжении фактологического материала, что в свою очередь открывает возможности для адекватной оценки перспективного вектора развития исследуемых научных направлений за счет использования модифицированной методологии форсайтного исследования. И это еще одна иллюстрация системного взаимодействия используемых здесь «встроенных» методов.

Другой заметной особенностью является обоснованная имплементация историографических, либо обозначаемых в качестве таковых методов в общий контекст эпистемологического анализа и, соответственно, в структуру вышеупомянутых «встроенных» компонентов-методов обсуждаемой здесь версии культурно-исторической реконструкции.

Так, например, в стандартном блоке методов получения научных историографических данных о предметной сфере дисциплин, так или иначе близких к психотерапевтической

науке и практике, чаще всего называются следующие: текстологического анализа, библиографический, биографический; а также и более сложные аналитические методы: наукометрический – количественный и качественный, историковедческий, моделирования (упоминается обычно без уточнения, какое именно моделирование здесь имеется в виду). Все эти методы практически полностью имплементированы в методологию сбора профильной историографической информации и ее последующего семиотико-герменевтического анализа. Что же касается более сложных методов данного блока, то они представлены в технологиях психотехнического и комплексного анализа, модифицированного форсайтного исследования и собственно реконструктивного моделирования с использованием гипотетико-дедуктивного метода.

Далее в плоскости наиболее объемного блока методов исследования истории становления предметной области ментальных дисциплин традиционно выделяют: группу личностно-идеографических методов (прослеживающих связь истории идей с личностной историей их автора); методы логико-предметного анализа (категориальный, семантический и смысловой анализ); группа методов исследования социальных аспектов предметной сферы (историко-событийный, культурологический, социологический анализ), а также метод разработки адекватной периодизации исторического процесса. Здесь вполне определенно можно говорить о включенности первых двух групп методов в общую струк-

туру семиотико-гарменевтического анализа.

Третья группа методов так или иначе представлена в общей методологии эпистемологического анализа. Выведенная периодизация исторического процесса в нашем случае является закономерным следствием использования гипотетико-дедуктивного метода (концепты эпистемологических платформ и одноименных эпистемологических эпох).

Традиционно выделяемый организационно-стратегический блок обычно включает методы: системного и комплексного анализа, метод единства исторического и логического, сравнительно-исторической метод. Все эти методы органично входят в структуру эпистемологического анализа, в общих методологических установках которого понятие «историзма» предметной сферы является безусловным приоритетом.

В отношении специального блока интерпретации и объяснения полученных данных, выделяемого как заключительный этап профильного исторического исследования, необходимо сказать следующее. Традиционно в этот заключительный блок включают: социально-культурный, историко-генетический, сравнительно-исторический методы, а также еще и такой метод, как «эмпатическое понимание» (цит. по В. А. Кольцовой, 2008).

В этом последнем блоке как минимум следует обратить внимание на присутствие методов из других поименованных блоков, задаться вопросом о причинах такого дубли-

рования, но также и более глубоким вопросом о критериях достаточности в методологии построения профильных исторических исследований при совершенно очевидном пересечении разрешающей способности многих из вышеприведенных и традиционно используемых методов. Полагаем, что содержательная специфика используемой нами версии культурно-исторической реконструкции эпистемологических основ рассматриваемого сектора науки как раз и содержит ответы на все эти непростые вопросы. Мы, во-первых, считаем что системная методология исследования и общий контекст эпистемологического анализа, ясно обозначенные как необходимое условие успешной реализации метода культурно-исторической реконструкции, позволяют избежать необоснованного в этом случае дробления и дублирования обозначенных здесь методов исторического исследования, тем более дублирования методов на каждом этапе такого исследования. Во-вторых, в условиях такого проработанного методологического контекста процесс реконструктивного моделирования, предлагаемый методологией семиотико-герменевтического анализа, очевидно «перекрывает» разрешающую способность многих из перечисленных методов. В частности, заключительный этап реализации данного метода, на котором полученные здесь промежуточные результаты соотносятся с объяснительной моделью (именно такая модель в нашем случае представлена кластером рабочих гипотез) и формулируются корректные вы-

водов о состоятельности исследуемых рабочих гипотез, как раз и демонстрирует требуемый уровень достаточности. Соответственно, появляется возможность объединения разрешающей способности методов, обозначенных в специальном блоке интерпретации и объяснения полученных данных.

используемой версии метода культурно-исторической реконструкции является его И в первую очередь здесь следует иметь в виду макроструктуру разработанной нами версии с ее главными составляющими: рамочным исследовательским контекстом и собственным алгоритмом реализации метода культурно-исторической реконструкции с выведением ретроспективного – включая анализ настоящей ситуации – и перспективного вектора реконструктивного моделирования. При таком макроструктурном оформлении последовательные технические действия по реализации рассматриваемого метода обретают законченный смысл лишь в общем контексте комплексной исследовательской программы и ее «больших» этапов. В этих условиях происходит интенсивный информационный обмен между отдельными методологическими блоками – компонентами базисного метода эпистемологического анализа, включая и важнейший блок культурно-исторической реконструкции, что, собственно, и обеспечивает необходимую интенсивность и качество информационной синергии именно на том глубинном уровне-горизонте научного исследования, на котором только и возможна сущностная идентификация эпистемологиче-

ских оснований и предметной сферы наук о психике. *Следующим специфическим компонентом общая структура.*

Алгоритм реализации разработанной версии культурно-исторической реконструкции, с учетом всего сказанного, предусматривает следующую этапность и последовательность технических действий:

, исходя из ключевых характеристик конкретной научной дисциплины (таких, например, как: сформированный кластер рабочих гипотез; разработанная общая и прикладная методологии исследования, имеющиеся варианты культурно-исторической реконструкции эпистемологических основ и предметной сферы исследуемого научно-практического направления); – *этап формирования целей и задач исследования*

предусматривает использование стандартного блока методов получения историографических данных, имеющих прямое и косвенное отношение к формированию исследуемой научной дисциплины – контент-анализа, текстологического анализа, библиографический, биографический, культурологический, историко-событийный, стратификации и проч.; *– этап сбора и систематизации фактологического материала в соответствии с задачами исследования:*

на данном этапевыполняются важнейшие исследовательские задачи по сущностной идентификации эпистемологических основ и предметной сферы конкретного научного направления в исторической ретроспективе, включая Новей-

шее время (предусматривает использование семиотико-герменевтического анализа и других «встроенных» методов эпистемологического анализа); – *этап ретроспективной реконструкции процесса становления эпистемологических основ и предметной сферы исследуемой науки:*

с обсуждением эпистемологических основ и предметной сферы исследуемого научного направления: на данном этапевыполняются важнейшие исследовательские задачи по исчерпывающему обоснованию идентичности и состоятельности конкретной науки (предусматривает использование «встроенных» методов эпистемологического анализа); – *аналитический этап коррекции кластера рабочих гипотез*

на данном этапе, с учетом имеющихся информационно-технологических возможностей, выполняется задача по разработке вероятных вариантов (моделей) развития конкретного научного направления (предусматривает использование генетико-конструктивного метода и метода модифицированного форсайтного исследования); – *этап перспективной реконструкции процесса развития исследуемого научно-практического направления:*

в глобальном и региональном аспектах: здесь используется научный потенциал концепта «информационной генетики», а также результаты модифицированного форсайтного исследования; – *этап обоснования стратегии оптимального развития исследуемого научного направления*

здесь оценивается степень достижения заявленной цели

исследования, а также вклад метода культурно-исторической реконструкции в теоретический базис исследуемого научного направления. – *этап соотнесения достигнутых результатов с целями исследования:*

Главной структурной новацией и, соответственно, наиболее существенной содержательной особенностью рассматриваемого «встроенного» метода культурно-исторической реконструкции является обоснование и использование понятия «эпистемологическая платформа», и выводимого отсюда понятия «эпистемологическая эпоха». И далее обоснование фундаментальных в нашем случае понятий и эпистемологических платформ и соответствующих эпох в становлении наук о психике имеет прямое отношение к сущностной реализации всего комплекса задач и достижения целей, заявляемых в рамках эпистемологического анализа. То есть рассматриваемые здесь структурные характеристики являются не столько «вспомогательным понятием» разработанной нами версии метода культурно-исторической реконструкции, сколько важнейшим компонентом «большого» метода эпистемологического анализа. И далее надо понимать, что подлинное смысловое наполнение и функциональный потенциал важнейшего концепта как раз и раскрывается в разработанной методологи культурно-исторической реконструкции становления предметной сферы наук о психике. С учетом особой значимости «встроенного» концепта и, главным образом, концепта , более полное описание

и раскрытие функциональной значимости данного генеративного концепта-инструмента эпистемологического анализа будет дано в отдельном разделе текста. *недифференцированной, диссоциированной ассоциированной эпистемологических эпох и платформ эпистемологических платформ ассоциированной эпистемологической платформы*

В настоящем подразделе следует рассмотреть и такую специфическую структурную характеристику рассматриваемого метода, как . Речь здесь идет о целесообразности первичной стратификации материала по признаку собственно исторической фактологии в отношении тех научных направлений, история становления которых прослеживается с древнейших времен и первых в истории цивилизации информационных источников. Так, например, с использованием данного секторального принципа исследуется этапы процесса становления и развития помогающих психотехнологий (первородный гностический, магический, религиозный, духовных практик, медицинский, социальный, собственно научный). Такого рода дифференцированное распределение фактологического материала и акцентов в исследовательской активности предполагают и соответствующую стратификацию используемых стандартных и «встроенных» методов. В частности, исследовательская активность в первых двух выделяемых секторах предполагает использование всего методологического арсенала разработанной версии культурно-исторической реконструкции процесса формирова-

ния предметной сферы помогающих психотехнологий. В последнем секторе, акцентированном на исследовании наукоемкого содержания современных психотехнологий, предполагается преимущественное использование встроенного метода психотехнического и комплексного анализа. *секторальный принцип распределения и анализа имеющегося фактологического материала*

от традиционных историковедческих подходов, используемых в секторе наук о психике, также представляет собой важную характеристику рассматриваемого компонента эпистемологического анализа. *Идентификация существенных отличий модифицированной версии метода культурно-исторической реконструкции*

Общие – для исторических исследований, в частности для исследований процессов формирования предметной сферы наук о психике – установочные позиции, о которых нам говорят авторы многочисленных историковедческих текстов и о которых стоит сказать в настоящем подразделе, следующие.

Деятельность, направленная на исследование прошлого, как и любая другая деятельность, имеет своей целью адаптацию и развитие, что, собственно, и является ключевыми характеристиками процесса, обозначаемого как индивидуальное или социальное бытие. Но если процесс бытия развернут во времени и не мыслится в отрыве от данной важнейшей категории реальности (М. Хайдеггер, 2011), и вектор развития,

по определению, развернут в будущее, то исследование прошлого – в той или иной степени, явно или неявно, но практически всегда развернуто в темпоральных модусах прошлого, настоящего и будущего.

Такая многовекторная в смысле охватываемых темпоральных модусов направленность традиции исследования прошлого адекватно иллюстрируется термином «поступательное движение», относимого в том числе и к характеристикам циклических процессов цивилизационного развития. В соответствие с логикой данного термина, для того чтобы без каких-либо неоправданных рисков сделать шаг или «заступ» в направлении будущего, необходимо опереться на некое прочное основание – точку опоры или, в нашем случае, исторический опыт. И вот эта точка опоры, этот исторический опыт в какой-то степени определяет выбор будущего, и, следовательно, присутствует в этом будущем, что, по всей видимости, и имеется в виду, когда нам говорят о некой «связи времен», «исторических скрепах» и проч. Однако, в нашем случае исторический опыт исследуется исходя из мета-позиции «большого» эпистемологического анализа, позволяющего, в том числе, отделить «зерна» устойчивой и перспективной эпистемологической платформы от «плевел» трухлявых и отживших свое установочных позиций. В этом случае переосмысленный таким образом исторический опыт не в коем случае не тормозит, а только лишь стимулирует процесс цивилизационного развития.

Что же касается функциональных смыслов обращенности к историческому опыту наших представлений о психическом, и далее – периодике становления наук о психике, то такой ресурсный контекст совершенно очевиден. Человек и общество нуждаются в несущих, долговременных смыслах, которые затем транслируются в систему идиом и правил, координируют бытие и формируют направленность адаптивного поведения человека и общества. В силу чего человек осуществляет свой жизненный путь в более или менее определенном структурированном и зачастую неосознаваемом пространстве таких ресурсных смыслов. Что, в свою очередь, позволяет концентрироваться на разработке и воплощении моделей будущего, в полной мере используя креативный потенциал психического – главное достояние homo sapiens. Иными словами, отрефлексированный, исследованный и должным образом усвоенный исторический опыт позволяет продвигаться человеку и обществу по развивающей спирали адаптивно-креативного цикла без каких-либо кризисных задержек и тупиков, что, собственно, и понимается под термином «устойчивое развитие», и что представляет собой стержень наиболее масштабной, «необъявленной» социальной психотерапии.

Разрешающая способность метода культурно-исторической реконструкции.

Максимально возможная разрешающая способность настоящего метода с одной стороны обеспечивается «больши-

ми» форматами, в рамках которых данный метод реализуется: общим контекстом Базисной научно-исследовательской программы и возможностью использования научных результатов, полученных на предварительных этапах реализации такой масштабной исследовательской программы (это, безусловно, наиболее выигрышный вариант); потенциалом «большого» метода эпистемологического анализа и соответствующими возможностями его встроенных компонентов.

С другой стороны, разрешающая способность метода культурно-исторической реконструкции обусловлена собственной научно-информационной базой обновленной версии настоящего метода: проработанным философским обоснованием; системно-организационной, структурно-методологической и инструментальной спецификой.

Практически важной является полноценная аргументация разрешающей способности метода по отношению к заявляемым целям и задачам в отношении конкретной научной дисциплины. При этом необходимо иметь в виду, как собственно культурно-исторический сектор, так и общий эпистемологический вектор исследования. Соответственно, содержательная специфика целей, задач, а также планируемых здесь результатов – и есть итоговая характеристика разрешающей способности используемого метода.

Метод семиотико-герменевтического анализа

Разработанная нами версия метода семиотико-герменевтического анализа является важнейшим встроенным компо-

нентом эпистемологического анализа, но также и основным рабочим инструментом разработанной версии культурно-исторической реконструкции эпистемологических оснований и предметной сферы наук о психике, тем более «гуманитарного крыла» таких наук. В рамках последней методологии именно с использованием инструмента семиотико-герменевтического анализа осуществляются этапы важнейшего процесса идентификации – конструирования – реконструирования основных концептов исследуемых научных направлений, выстраиваются объяснительные модели функциональной активности психического. И далее мы рассмотрим наиболее важные аспекты . *метода семиотико-герменевтического анализа*

Герменевтика появилась как искусство толкования священных текстов. Само это понятие берет начало от первых наиболее известных толкователей библейских и раннехристианских текстов Аврелия Августина (V век н. э.), и Матиаса Флациуса (XVI век н. э.). И далее герменевтика развивалась уже как направление философской мысли благодаря работам Вильгельма Дильтея, Фридриха Шлейермахера, Мартина Хайдеггера, Ханса-Георга Гадамера, Альфреда Норта Уайтхеда, Поля Рикера, Густава Густавововича Шпета, Валерия Григорьевича Кузнецова и многих других ученых-философов. *Исторический аспект.*

Для нас здесь особенно интересна философская позиция Вильгельма Дильтея, которая по сути является первым ар-

гументированным, отчетливым и весьма резонансным в интеллектуальном пространстве заявлением об ограниченности естественно-научного подхода и принципиальной несводимости к такому подходу сущностных, многомерных представлений о реальности, а также о месте человека в этой реальности. И если в своем знаменитом манифесте «Введение в науки о духе», впервые изданном в 1883 году, Дильтей в большей степени делает акцент на анализе содержания психической жизни человека, то в более поздних публикациях на эту же тему он уже ясно говорит о приоритете герменевтического подхода в понимании специфики наук о духе. И далее он отчетливо увязывает феномен герменевтики с феноменом жизни как таковой: «Когда-то мы стремились понять жизнь из мира. Однако существует лишь один путь от истолкования жизни к миру. И жизнь наличествует лишь в переживании, понимании и историческом постижении. Мы не вносим никакого смысла из мира в жизнь» (В. Дильтей, цит. по изд. 2004).

Такую «виталистическую» позицию Дильтей подкреплял аргументами, выстроенными в том духе, что у герменевтики нет никакого самостоятельного предмета, познание которого могло бы служить основанием для познания и вынесения суждения о других, зависящих от него предметах. Таким образом, целостность и уникальность самой жизни и есть исходный пункт понятий герменевтики, в то время как ландшафт реальности, воспроизводимый с помощью есте-

ственных наук, есть отвлеченный от феномена жизни полюс универсальных понятий, весьма далекий от этой целостности. И этот, чрезвычайно важный тезис Дильтея является одной из фундаментальных эпистемологических установок наук о психике и особенно направлений «гуманитарного крыла» таких наук.

Далее обратимся к трудам Гадамера, который делает следующий шаг в становлении герменевтики уже как способа познания. В своем наиболее известном произведении «Истина и метод», впервые опубликованном в 1960 году, он как раз и представлял герменевтику как особый способ постижения истины. И здесь он вслед за Дильтеем отмечал более чем существенную разницу в тех способах репрезентации реальности, которые с одной стороны предлагает «правильная» наука, а с другой – гуманитарная практика (или так называемые гуманитарные науки). В частности он констатирует: «Логическое самоосознание гуманитарных наук, сопровождавшее в веке их фактического формирования, полностью находится во власти образца естественных наук… То, что гуманитарные науки понимаются по аналогии с естественными, настолько очевидно, что перед этим отступает призвук идеализма, заложенный в понятие духа и науки о духе» (Х.-Г. Гадамер, цит. по изд. 1988). И далее Гадамер со свойственным ему интеллектуальным блеском развивает тезисы Дильтея и Хайдеггера относительно необходимости понимания самой герменевтики не как вообще методологии, но как выс-

шего онтологического принципа оформления феномена бытия. И тем не менее, он же и делает первый шаг – возможно, не совсем уверенный и противоречивый – в направлении формирования метода герменевтического анализа. Здесь Гадамер высказывается следующим образом: «Изначально герменевтический феномен вообще не является проблемой метода. Речь здесь идет не о каком-то методе понимания, который делал бы тексты предметом научного познания, наподобие всех прочих предметов опыта. Речь здесь вообще идет в первую очередь не о построении какой-либо системы прочно обоснованного познания, отвечающего методологическому идеалу науки, – и все-таки здесь тоже идет речь о познании и об истине. При понимании того, что передано нам исторической традицией; что здесь не просто понимаются те или иные тексты, но вырабатываются определенные представления и постигаются определенные истины». То есть если иметь в виду последнюю часть процитированного высказывания, то выведение особой герменевтической традиции (метода) понимания историографии возможно и даже необходимо, ибо такая особая методология познания безусловно компенсирует и дополняет естественно-научный способ репрезентации неких универсальных аспектов реальности.

Отсюда вполне понятно, что собственно методологическое направление в герменевтике развивалось путем «приращения» возможностей семиотики (науки, исследующей свойства знаков и знаковых систем), развивающейся в по-

следние десятилетия сверхбыстрыми темпами. Некоторые представления о современном уровне этой науки, куда герменевтика, безусловно, «вписана», даже если этого термина в соответствующих статьях не упоминается, можно почерпнуть из превосходного коллективного труда «Философия языка», подготовленного и изданного под общей редакцией известнейшего философа и лингвиста Джона Роджерса Серла (2011). Здесь представлены программные статьи наиболее известных в мире специалистов, имеющих отношение к семиотике и, соответственно, герменевтике: Дж. Л. Остина, П. Ф. Стросона, Дж. Р. Серла, Г. П. Гейтса, Н. Хомского, Дж. Катца, Х. Путнама, Н. Гудмана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.